

Иннокентий Анненский

О ПИСАТЕЛЯХ

Москва, 2018

УДК 82-95

ББК 83.3(2Рос=Рус)

А68

Анненский, И.

А68 О писателях / И. Анненский. - М. : T8RUGRAM, 2018. - 188 с.

ISBN 978-5-521-06940-8

Иннокентий Фёдорович Анненский (1855–1909) – крупнейший русский поэт, драматург, переводчик, исследователь литературы и языка, творчество которого отличается большой самобытностью и глубокой искренностью.

«О писателях» – это удивительный сборник критических статей и очерков Анненского о великих русских писателях и поэтах, в которых автор рассуждает о самой сущности поэзии, об эстетике Лермонтова и Пушкина, о формах фантастического в творчестве Гоголя, о пророческом в романах Достоевского, о мистическом театре Андреева и многом другом. Книга будет интересна широкому кругу читателей.

УДК 82-95

ББК 83.3(2Рос=Рус)

BIC FC

BISAC FIC000000

СОДЕРЖАНИЕ

ЧТО ТАКОЕ ПОЭЗИЯ?.....	5
ПУШКИН И ЦАРСКОЕ СЕЛО.....	17
ОБ ЭСТЕТИЧЕСКОМ ОТНОШЕНИИ ЛЕРМОНТОВА К ПРИРОДЕ	49
О ФОРМАХ ФАНТАСТИЧЕСКОГО У ГОГОЛЯ	67
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ИДЕАЛИЗМ ГОГОЛЯ.....	85
ЭСТЕТИКА «МЕРТВЫХ ДУШ» И ЕЕ НАСЛЕДЬЕ	103
ТЕАТР ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА	119
ГОНЧАРОВ И ЕГО ОБЛОМОВ	131
ДОСТОЕВСКИЙ	171
РЕЧЬ О ДОСТОЕВСКОМ.....	181

ЧТО ТАКОЕ ПОЭЗИЯ?

Этого я не знаю. Но если бы я и знал, что такое поэзия (ты простишь мне, неясная тень, этот плахиат!), то не сумел бы выразить своего знания или, наконец, даже подобрав и сложив подходящие слова, все равно никем бы не был понят. Вообще есть реальности, которые, по-видимому, лучше вовсе не определять. Разве есть покрой одежды, достойный Милосской богини?

Из бесчисленных определений поэзии, которые я когда-то находил в книгах и придумывал сам (ничего не может быть проще и бесполезней этого занятия), в настоящую минуту мне вспоминаются два.

Кажется, в «Солнце мертвых» я читал чьи-то прекрасные слова, что последним из поэтов был Орфей, а один очень ученый гибрид сказал, что «поэзия есть пережиток мифологии». Этот несчастный уже умер... Да и разве можно было жить с таким сознанием? Два уцелевших в моей памяти определения, несмотря на их разноречивость, построены, в сущности, на одном и том же постулате «золотого века в прошлом». Эстетик считал, что этот век отмечен творчеством богов, а для мифолога в золотой век люди сами творили богов. Я бы не назвал этого различия особенно интересным, но эстетически перед нами: с одной стороны — сумеречная красота Данте, с другой — высокие фабричные трубы и туман, насыщенный копотью.

Кажется, нет предмета в мире, о котором бы сказано было с такой претенциозностью и столько банальных гипербол, как о поэзии.

Иннокентий АННЕНСКИЙ

Один перечень метафор, которыми люди думали подойти к этому явлению, столь для них близкому и столь загадочному, можно бы было принять за документ человеческого безумия.

Идеальный поэт поочередно, если не одновременно, являлся и пророком (я уже не говорю о богах), и кузнецом, и гладиатором, и Буддой, и пахарем, и демоном, и еще кем-то, помимо множества стихийных и вещественных уподоблений. Целые века поэт только и делал, что пировал и непременно в розовом венке, зато иногда его ставили и на поклоны, притом чуть ли не в веригах.

По капризу своих собратьев, он то бессменно бренчал на лире, то непрестанно истекал кровью, вынося при этом такие пытки, которые не снились, может быть, даже директору музея восковых фигур.

Этот пасынок человечества вместе с Жераром де Нерваль отрастил себе было волосы Меровинга и, закинув за левое плечо синий бархатный плащ, находил о чем по целым часам беседовать с луною, немного позже его видели в фойе Французской комедии, и на нем был красный жилет, потом он образумился, говорят, даже остригся, надел гуттаперчевую куртку (бедный, как он страдал от ее запаха!) и стал тачать сапоги в общественной мастерской, в промежутках позируя для Курбе и штудируя книгу Прудона об искусстве. Но из этого ничего не вышло, и беднягу заперли-таки в сумасшедший дом. Кто-кто не указывал поэту целей и не рядил его в собственные обноски? Коллекция идеальных поэтов все растет, и я нисколько не удивлюсь, если представители различных видов спорта, демонизма, и даже про-

О ПИСАТЕЛЯХ

фесий (не исключая и воровской) обогатят ее когда-нибудь в свою очередь.

Хотя я и написал в заголовке: *Что такое поэзия?* — но вовсе не намерен ни множить, ни разбирать определений этого искусства. К тому же мне решительно нечего учить, так как в сфере поэтики у меня есть только наблюдения, желания или сомнения. Конечно, мысль, этот прилежный чертежник, вечно строит какие-нибудь схемы, но, к счастью, она тут же и стирает их без особого сожаления.

Прежде всего — о метафоре «поэтический образ».

Если не говорить о чисто психических актах, то эту метафору надо прилагать к поэтическим явлениям с большими оговорками.

Хотя Гораций и сказал *Ut pictura poesis*¹, но образ есть неотъемлемая и неизбежная (кажется) принадлежность живописи; он предполагает нечто конкретное и ограниченное, *обрезанное*. В известной мере всякий образ безусловен, самостоятелен и имеет самостоятельную ценность.

Откроем наудачу Пушкина:

Вокруг лилейного чела,
Как туча, локоны чернеют,
Звездой горят ее глаза,
Ее уста, как роза, рдеют.

Здесь целый букет, целый мелодический дождь символов, но причем же тут живопись?

¹ Поэзия как живопись (лат.).

Иннокентий АННЕНСКИЙ

Вообще поэзии приходится говорить словами, т. е. символами психических актов, а между теми и другими может быть установлено лишь весьма приблизительное и притом чисто условное отношение. Откуда же возьмется в поэзии, как языке по преимуществу, живописная определенность? Сами по себе создания поэзии не только не соизмеримы с так называемым реальным миром, но даже с логическими, моральными и эстетическими отношениями в мире идеальном. Помоему, вся их сила, ценность и красота лежит вне их, она заключается в поэтическом гипнозе. Причем гипноз этот, в отличие от медицинского, оставляет свободной мысль человека и даже усиливает в ней ее творческий момент. Поэзия приятна нам тем, что заставляет нас тоже быть немножко поэтами и тем разнообразить наше существование.

Музыка стиха, или прозы, или той новой формы творчества, которая в наши дни (Метерлинк, Клодель) рождается от таинственного союза стиха с прозой, не идет далее аккомпанемента к полету тех мистически окрашенных и тающих облаков, которые проносятся в нашей душе под наплывом поэтических звукосочетаний. В этих облаках есть, пожалуй, и слезы наших воспоминаний, и лучи наших грез, иногда в них мелькают даже силуэты милых нам лиц, но было бы непростительной грубостью принимать эти мистические испарения за сознательные или даже ясные отображения тех явлений, которые носят с ними одинаковые имена.

Открываю наудачу книгу поэта, стоящего на грани двух миров, — романтики и символизма, — Бодлера.

Вот 77-й цветок из его «мучительного букета»:

О ПИСАТЕЛЯХ

*Pluviose, irrite centre la vie entiere
De son urne a grands flots verse un froid tenebreux
Aux pales habitants du voisin cimetiere
Et la mortalite sur faubourgs brumeux.*

*Mon chat sur le carreau cherchant une litiere
Agile sans repos son corps maigre et galeux.
L'ame d'un vieux poete erre dans la gouttiere
Avec la triste voix d'un fantome frileux.*

*Le bourdon se lamente et la buche enfumee
Accompagne en fausset la pendule enrhumee,
Cependant qu'en un jeu plein de sales parfums,*

*Heritage fatal d'une vieille hydropique,
Le beau valet de coeur et la dame de pique
Causent sinistrement de leurs amours defunts.*

Если вы захотите видеть в этом сонете галерею “образов”, то из поэтического перла он обратится в какую-то лавку au bric-a-brac¹.

Месяц дождей, злой на все живое, бросает с неба воду целыми шайками: до бледных обитателей кладбища достигает только черный холод, но в тумане предместья уже гнездятся эпидемии. На моем окне кошка ищет улечься поудобнее и без отдыха движет своим худым и паршивым телом.

¹ Старьевщика (*фр.*).

Иннокентий АННЕНСКИЙ

Душа старого поэта блуждает в водосточной трубе, и у нее грустный голос зябкого привидения. Жалобно стонет колокол, а в камине головешка подпевает фальцетом стенным часам, у которых насморк. Между тем в колоде карт, среди ароматов грязи — покойница страдала водянкой — красавец валет червей и дама пик зловещим шепотом перебирают эпизоды из своего погребенного романа.

Я не знаю, о чем думаете вы, читатель, перечитывая этот сонет. Для меня он подслушан поэтом в осенней капели. Достоевский тоже слушал эту капель и не раз: «Целые часы, — говорит он, — проходили таким образом, дремотные, ленивые, сонливые, скучные, *словно вода, стекавшая звучно и мерно* в кухне с залавка в лохань» («Господин Прохарчин». Соч. Дост. 1, 174, изд. 1886 г.).

Сонет Бодлера есть отзвук души поэта на ту печаль бытия, которая открывает в капели другую,озвучную себе мистическую печаль. Символы четырнадцати строк Бодлера — это как бы маски или наскоро наброшенные одежды, под которыми мелькает тоскующая душа поэта, и желая, и боясь быть разгаданной, ища единения со всем миром и вместе с тем невольно тоскуя о своем потревоженном одиночестве. Но, может быть, вы найдете мой пример мало характерным. Хотите, возьмем кого-нибудь постарше... Может быть, Гомера. Один старый немецкий ученый просил, чтобы его последние минуты были скрашены чтением «Илиады», хотя бы каталога кораблей. Этот свод легенд о дружинниках Агамемнона, иногда просто их перечень, кажет-